

Смирнова Т.В.

Сергиев Посад. 1920-е годы. Судьбы «бывших»

Судьба была заложена, как в куколке бабочки, в духовной структуре этих людей.

Надежда Мандельштам

На каждого интеллигента должно быть дело.

Феликс Дзержинский

До революции Сергиев Посад был обычным мещанским городом. Дворяне в нем селились мало. Положение изменилось в послереволюционные годы, когда происходила миграция населения. Из Москвы и Петрограда уезжали из-за голода и холода, иногда из-за потери жилья или «уплотнения». Дворяне покидали усадьбы, опасаясь за свою жизнь, или по распоряжению властей.

Контингент приезжих в Сергиев Посад имел свою специфику – приезжали в него преимущественно глубоко религиозные люди из-за Лавры и близлежащих скитов. Для атеистически настроенной интеллигенции город особого интереса не представлял. Так, одним из первых, уже в начале марта 1917 года, то есть сразу после получения известия о Февральской революции, покинул усадьбу Буйцы в Тульской губернии граф Юрий Александрович Олсуфьев и по благословению своего духовника оптинского старца Анатолия (Потапова) отправился «под покров Преподобного»¹.

Иногда переезд в Сергиев Посад, объясняется, на первый взгляд, чисто бытовыми причинами. Но потом оказывается, что повлияла на выбор места жительства опять же Лавра. Например, Сергей Иванович Огнев писал, что его отец, профессор Иван Флорович Огнев, мать и старший брат переехали в Сергиев Посад в 1919 году, так как в московской квартире, за недостатком топлива, перестало работать центральное отопление и не было газа². Однако из рассказа Ольги Павловны Трубачевой (урожд. Флоренской) следует, что первой приехала в Посад жена профессора Софья Ивановна и «сняла

комнату, чтобы помолиться в Лавре». А когда позже приехали ее муж и сын, то уже сняли весь этаж в том же доме³.

Значительную роль при выборе нового места жительства, несомненно, играли родственные и дружеские связи. Так, в дом, купленный Ю.А. Олсуфьевым, вскоре приехала родственная семья Сергея Павловича Мансурова, а позднее также родственная семья графа Владимира Алексеевича Комаровского.

Почти все приехавшие общались друг с другом, кто больше, кто меньше. Те, кто не был знаком раньше, в маленьком городке узнали друг друга. Кроме родства и старой дружбы, этих людей объединяла общность интересов, православная вера и, конечно, общие нравственные представления. Таким образом, приезжие образовали особую группу, к которой, вероятно, применим термин, предложенный Л.Н. Гумилевым – «консорция»⁴. Или можно сказать, что в городе появилась «социальная диаспора». В нее входили люди с известными дворянскими фамилиями: Трубецкие, Голицыны, Шаховские, Мещерские, Олсуфьевы, Комаровские, Мансуровы, Раевские, Хвостовы, Челищевы и др., а также интеллигенты – выходцы из других сословий, не уступавшие дворянам по образованию и воспитанию и часто бывшие с ними в родстве. Это Михаил Владимирович Шик, женатый на княжне Наталье Дмитриевне Шаховской, священник Сергей Сидоров – сын грузинской княжны А.Р. Кавкасидзе, Владимир Андреевич Фаворский, женатый на дочери Владимира Дмитриевича фон-Дервиза.

Рассмотрим подробнее, что общего было у приехавших в Сергиев Посад «бывших».

Как уже было сказано, почти все они были очень религиозны. Иногда это не бросалось в глаза. Так, М.М. Пришвин в 1927 г. сделал в дневнике такую запись о встрече с Еленой Владимировной Трубецкой: «Встретил княгиню, идет за провизией, потому что завтра новое Благовещение... Говорят, она религиозная, только я не думаю, что сильно: она для этого просто уж очень утомлена, детей много, мать»⁵. Но Андрей Владимирович Трубецкой пишет так: «Естественно, что мать занималась и нашим религиозным воспитанием, читала нам Священное писание, а на ночь мы

вместе с ней вслух молились. Дома отмечались все церковные праздники, особенно Пасха и Рождество... Надо сказать, что наша мать много времени проводила в церкви у свечного ящика»⁶. О религиозности родителей можно судить и по отношению к вере их детей. Дети Трубецких (также как и дети Павлиновых, Шика, Комаровских и др.) выросли религиозными людьми. Вот несколько высказываний о религиозности «бывших», приехавших в Сергиев Посад. Антонина Владимировна Комаровская пишет о Софье Владимировне Олсуфьевой: «Главная ее жизнь была в церкви. Подоив утром корову, она спешила в скит к ранней обедне (расстояние от города около трех километров) и так же торопливо возвращалась, чтобы поспеть к утреннему чаю дяди Юрия перед уходом на службу»⁷.

О С.П. Мансурове его жена писала что «не слышала от него ни одного рассказа о каком-нибудь религиозном переживании детском, но присутствие в его личности мира, как благодатного дара, осеняло его всегда». В конспективном изложении биографии мужа Мария Федоровна отмечала как важнейшие вехи его жизни посещение Зосимовой пустыни в 1913 г. («Образ совершенного монастыря, высокий уровень богослужения») и ставшее большим событием и радостью чтение книги П.А. Флоренского «Столп и утверждение истины». Она писала, что «подобием монастырской гостиницы, как осуществляемый идеал, была квартира на Вальной улице»⁸ (в доме Ю.А. Олсуфьева – Т.С.). В 1926 г. С.П. Мансуров принял сан священника.

Исследовательница творчества художника-иконописца В.А. Комаровского пишет: «... он, конечно, стремился к высокому мастерству и, освоив технические приемы иконописания, чувствовал особую потребность в постижении иконы, как молитвенного образа». В письме художника жене из ссылки есть такие слова: «Надо предаваться всецело воле Божией. Вот и теперь мы ведь опять накануне большой нужды, но я так всем сердцем верю, что Господь пошлет все нужное, и главное, всегда иметь чистую совесть, а остальное приложится, несмотря на всякие тяжелые испытания»⁹.

Михаил Владимирович Шик в молодости принимал активное участие в деятельности религиозно-философского кружка, созданного в Москве его

университетскими друзьями Г.В. и Н.В. Вернадскими и сестрами Натальей Дмитриевной и Анной Дмитриевной Шаховскими. В 1918 г. он крестился, избрав себе покровителем не Архангела Михаила, Архистратига Сил Небесных, как можно было ожидать, а Михаила – князя Черниговского, замученного в Орде, который, по его словам, был ему как-то особенно близок. Поэтесса Варвара Григорьевна Малахиева (псевдоним – Мирович) писала, что, узнав об этом, она подумала, «что в нем бессознательно, а может быть, сознательно говорила надежда закончить свой путь на этом свете венцом мученика»¹⁰. М.В. Шик стал диаконом, служил в Петропавловской церкви Сергиева Посада, а в 1927 г., в ссылке, принял сан священника. Всегда появлялся в священнических одеждах, считая неуместной конспирацию, и кончил мученическим венцом – был расстрелян в 1937 г.

Сергея Алексеевича Сидорова религия привлекала с детских лет. Он писал: «Духовная жизнь Москвы с детства была близкой мне, с семи лет, то есть со времени моего приезда в Москву, я не пропускал ни одной торжественной церковной службы. Звоны Кремля, мгла ранней обедни, золотые ленты крестных ходов всегда привлекали меня, и я любил теряться в толпе, ожидающей приезда Иверской, и простаивать долгие ночные моления у Пантелеймона в часовне»¹¹.

В 1916 г. С.А. Сидоров стал духовным сыном оптинского старца Анатолия (Потапова), поступил в Киевскую духовную академию и затем по благословению о. Алексия Мечёва был рукоположен в 1921 г. в сан священника. В октябре 1923 г. о. Сергей с семьей приехал в Сергиев и получил место священника в Петропавловской церкви.

В Сергиевом Посаде в 1920-е гг. образовалась «диаспора» людей, в которой очень высока была доля тех, кто обладал религиозным чувством – своего рода феномен, какого не было, видимо, в других городах. В дальнейшем оказалось, что так называемый «ген религиозности» эти люди передали своим детям¹².

Что еще отличало «бывших», приехавших в город, от большинства его жителей? Приезжие, как правило, были людьми весьма образованными. Университетское образование имели Юрий Александрович Олсуфьев, Сергей Павлович Мансуров, Михаил Владимирович Шик, Петр Владимирович

Истомин, Владимир Михайлович Голицын, Иван Флорович Огнев и его сын Александр, Андрей Евграфович Фаворский. Владимир Дмитриевич Дервиз окончил Училище Правоведения, затем пять лет учился в Академии художеств. Владимир Андреевич Фаворский обучался живописи в студии профессора Холлоши в Мюнхене, затем окончил Московский университет. С.А. Сидоров учился в Киевской духовной академии. Владимир Сергеевич Трубецкой имел военное образование.

Наталья Дмитриевна и Анна Дмитриевна Шаховские закончили Московские женские курсы В.И. Герье¹³. Варвара Григорьевна Малахиева (Мирович) – Высшие женские курсы в Киеве¹⁴. Мария Владимировна Фаворская-Дервиз училась живописи во Франции, потом закончила Московское училище живописи, ваяния и зодчества¹⁵. Другие женщины этого круга получили хорошее домашнее образование и воспитание.

Появление в городе людей, обладавших высокой культурой, общение с ними, несомненно, повлияло на жителей. Так, на многих знакомство со о. Сергием Сидоровым произвело неизгладимое впечатление. По свидетельству Сергея Петровича Раевского, тот вскоре после своего приезда стал особо почитаемым священником не только своего прихода, но и всего города. «Будучи широко образованным человеком, отец Сергей легко заинтересовывал слушателей, в особенности любознательных, своими увлекательными и проникновенными рассказами на самые различные темы. Беседы касались литературы, истории, искусства, и многих других вопросов, относящихся к духовной жизни человека, его поведения в обществе и индивидуальных качеств. Он убедительно прививал нравственные устои юношеству, мог с большим интересом толковать Евангелие и наряду с этим уводить слушателей в мир неразгаданных тайн природы»¹⁶.

Конечно, многим из приезжих приходилось выполнять разные работы ради заработка: Ольга Ивановна Раевская вместе с бывшей фрейлиной императрицы Екатериной Сергеевной Хвостовой пекла на продажу сладкие лепешки и делала для какой-то артели кукольные кокошники. Князь Владимир Сергеевич Трубецкой работал тапером в кинотеатре и играл на виолончели в ресторане. Но часть приезжих занималась творческой работой. Тот же В.С. Трубецкой писал юмористические охотничьи рассказы и очерки,

публиковавшиеся под псевдонимом в конце 1920-х годов в журнале «Всемирный следопыт». Поэтесса В.Г. Малахиева продолжала писать стихи. Она была крестной матерью М.В. Шика и много стихов посвятила его первенцу Сереже. Часть ее стихов для детей вышла отдельными книжками в конце 1920-х годов. Художник Владимир Алексеевич Комаровский писал портреты. Сейчас в квартире-музее священника Павла Флоренского в Москве находятся два замечательных его портрета работы В.А. Комаровского.

Многие из приехавших преподавали в школах и в открывшемся в городе после революции педагогическом техникуме (он назывался некоторое время Институтом народного образования). Так, С.П. Мансуров читал лекции по работе с книгой, М.В. Фаворская-Дервиз вела занятия по рисованию, лепке и ручному труду, А.Д. Шаховская преподавала историю и психологию. Читали лекции в Педагогическом техникуме А.И. Огнев и В.Г. Малахиева, М.Ф. Мансурова и В.Д. Дервиз давали уроки рисования в школе.

Но самый большой вклад внесли приезжие в дело сохранения Лавры и создания Сергиевского историко-художественного музея. В конце 1918 года была создана Комиссия по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. Из приезжих в нее вошли Ю.А. Олсуфьев, С.П. Мансуров, М.В. Шик, позднее В.Д. Дервиз, В.А. Комаровский, А.Е. Фаворский и др. Исследовательница творчества В.А. Комаровского сделала замечание, что, «начав свою деятельность как просвещенные любители, В.А. Комаровский, Ю.А. Олсуфьев и С.П. Мансуров не только достигли высокого профессионализма, но и открыли новые пути в развитии церковной живописи, искусствознания, исторического богословия»¹⁷. Эти слова имеют большой смысл. Так, Ю.А. Олсуфьев закончил юридический факультет Петербургского университета. Занялся изучением искусства самостоятельно, живя в своей усадьбе, и стал признанным специалистом в области древнерусского искусства. За десять лет (1918–1928) опубликовал более 20 работ с описанием коллекций Лавры, а также исследовательского характера. Позднее по приглашению И.Э. Грабаря он работал в Центральных государственных мастерских в качестве эксперта по древнерусской живописи, а последние годы – до ареста в 1937 г. – заведовал секцией реставрации древнерусской живописи в Третьяковской галерее¹⁸.

На том же юридическом факультете Петербургского университета начал учиться и В.А. Комаровский. Потом он перешел в Академию художеств, но что-то его там не удовлетворяло. Работал некоторое время самостоятельно, потом продолжил художественное образование во Франции, а с 1910 г. увлекся древнерусской иконописью, копировал только что расчищенные иконы в Русском музее. В 1911 г. вместе с художником Дмитрием Стеллецким создал первый иконостас (для церкви в имении графов Медем под Хвалынском). Следующей большой его работой был иконостас для храма Сергия Радонежского на Куликовом поле. В Сергиевском историко-художественном музее он делал копии с миниатюр, с вышивок, орнаментов тканей, писал архитектурные пейзажи Лавры. А впоследствии создал замечательную роспись храма Святой Софии в Москве. И стал одним из зачинателей возрождения русской иконописи. Его работы стоят в ряду лучших произведений церковной живописи XX столетия¹⁹.

Много сделал для создания музея художник и земский деятель В.Д. Дервиз. По словам Алексея Николаевича Свирина, много лет работавшего вместе с В.Д. Дервизом, «глубокая культура, широкое образование, природная художественная одаренность и большой такт помогли ему в этой нелегкой деятельности»²⁰. Сергиевский историко-художественный музей и создан в основном В.Д. Дервизом, Ю.А. Олсуфьевым и А.Н. Свириным.

С.П. Мансуров закончил философское отделение историко-филологического факультета Московского университета. Войдя в состав Комиссии по охране памятников Лавры, он стал работать над книгами лаврской библиотеки, продолжил работу и тогда, когда библиотека Лавры стала филиалом Государственной библиотеки им. Ленина. В сборнике «Троице-Сергиева Лавра» (1919 г.) опубликована его статья «О библиотеке». А замысел книги «Очерки по истории Церкви» возник у него еще в 1914–1915 годах. Он возобновил работу над ней после приезда в Сергиев Посад в 1917 г. и продолжал ее до своей преждевременной смерти в 1929 г.²¹.

«Удивительно уютный, чистенький, будто вымытый городок Сергиев с красавицей Лаврой», как пишет С.П. Раевский, в 1920-е гг. стал близким приехавшим в него людям. Но жизнь в нем, особенно до введения НЭПа, оказалась довольно трудной в материальном отношении, и, кроме того, не раз

ее течение прерывалось арестами многих из «бывших». О периоде 1918–1920 г. Н.Д. Шик-Шаховская писала, что в то трудное, голодное время все ходили оборванными и постоянно с поклажей. Но С.П. Мансурова это не смущало. Он «часто приходил в Троицкий собор с большим саквояжем – с вокзала – или с обедом из столовой, завязанным в салфетку. Медлительно и спокойно он проходил через храм со своей ношей, часто в разорванной обуви, к подножию иконы, перед которой склонялся ниц. Мне чужалась большая свобода духа в этом спокойствии. Мне думалось, что он потому так невозмутимо ставил свой обед посреди храма, что все житейские мысли он оставлял за его порогом»²².

Жене Мансурова Марии Федоровне пришлось многому в те годы научиться: «топить печи, печь черный хлеб на закваске, просеивать овсяную крупу для лепешек, варить суп из высевок и рагу из овощей, вместо чая заваривать душистый лист смородины или яблони». Однако, как она писала, «... в это время нас больше занимало главное, вечное, оно занимало нас всегда, но этот год (зима 1921–22 гг. – Т.С.) был очень горячим духом. В Оптину мы продолжали ездить... и ездили, пока ее не закрыли (в 1923 г.) то вместе, то по отдельности... Поезда ходили плохо, трудно было добиться у входа в товарный вагон с нехотевшими нас пускать пассажирами, иногда подолгу сидели, от усталости ложились на пол и засыпали с плетушкой под головой. Плетушка и узелок — смена белья, жестяной чайник, кружка, кусок хлеба, может быть, — огурец и холодный картофель...»²³. Весной 1921 г. семьи Олсуфьевых, Мансуровых, Шик образовали маленькую артель, получили участок плохой, глинистой почвы для посадки картошки. Работа на нем была непосильна для слабого здоровьем С.П.Мансурова, но он нес караульную службу, когда стал поспевать урожай²⁴.

Сотрудники Сергиевского музея также получили участок земли возле Лавры. Сохранился рисунок В.Д. Девиза с надписью: «Звонковая и Каличья башни. Дежурство на огороде. 29 мая 1921 года»²⁵. То есть, приходилось охранять клубни только что посаженной картошки.

Но так называемые «бывшие» восприняли случившееся, как что-то естественное. Легко отказались от привилегий, от привычек. М. Пришвин записал возмущенные слова одной из жительниц Сергиева о том, что «даже

граф Олсуфьев отпустил бороду, ходит в рубашке и доволен этим свинством – в рубашке ходить»²⁶.

Большинство приезжих интеллигентов нашли в себе силы жить и трудиться в новых условиях. В их лексиконе, как сказал сын М.В. Шика Дмитрий Шаховской, не было слова «не могу». Раз нужно, значит – можно»²⁷. Мысли о разном восприятии трудностей в зависимости от состояния духа выразила В.Г. Малахиева (Мирович) в одном из своих стихотворений, написанных в 1920-гг.

Три волхва идут ночной пустыней –
Мельхиор, Каспар и Валтасар.–
Слышен вам далекий голос львиный? –
Оробев, шепнул Каспар.
Валтасар сказал: – Я умираю,
Жажда мучит. Путь еще далек.
Целый день ключа мы не встречали.
Все песок, песок...
Лучше бы от крепкой лапы львиной
Поскорей бы снести один удар,
Чем влачиться без конца в пустыне.–
И сказал: – Ты прав, – ему Каспар.
Мельхиор же не слышал их речи.
Вся пустыня перед ним цвела.
Радостью обетованной встречи
С Тем, к Кому звезда вела.

С введением НЭПа для многих жизнь стала в материальном отношении несколько легче, впрочем, не всем. Особенно бедно жили Трубецкие. А.Д. Шаховская писала о жизни этой семьи: «Детей было так много, что трудно их было не спутать. Двое старших еще выделялись, остальные ходили гурьбой или вереницей, все – худенькие, бледные, с большими глазами и худенькими

голыми ручонками и тоненькими ножками. Они напоминали паучков. Сколько усилий нужно было, чтобы одеть и обуть такую большую семью»²⁸.

В.С. Трубецкой работал и как музыкант, и как литератор, и еще приносил кое-какую добычу с охоты. Но после одного из кратковременных арестов «Союз охотников» г. Сергиева решил исключить князя Трубецкого, отобрать у него членский билет и таким образом лишить возможности охотиться²⁹. Через некоторое время билет вернули. Тут нагрянула новая беда. В.С. Трубецкой за происхождение был лишен избирательных прав. Однако, как писал в 1928 г. М. Пришвин, «по простоте начальства состоял членом Союза работников искусств. В нынешнем году его, как лишенца, "разъяснили" и уволили из членов Всерабиса. Вместе с этим, как не состоящий в Союзе, он автоматически был уволен из кино»³⁰.

Одна из родственниц Трубецких в августе 1928 г. писала: «...очень жалкое положение Трубецких, очень уж у них не хватает жалования Владимира. Я приехала, как раз у них не было дров, почти не было картофеля, а уж о жирах и не говори. Был пустой суп – вода с картофелем, а на второе картофель с солью... У детей валенки развалились, и нельзя их отдать починить, и дети мерзнут, особенно страдает Варя, у которой обмороженные ноги, и ужасно распухают и болят от холода»³¹.

С окончанием периода НЭПа жизнь Трубецких, все еще остававшихся в Сергиеве, стала совсем скудной, к тому же им пришлось всем ютиться в одной комнате. А.В. Трубецкой писал: «Ломка давних устоев в сельском хозяйстве, восстановленных было НЭПом, всеобщая коллективизация ("год великого перелома") пагубно сказались на жизни всего народа и, конечно, на нашей семье. Голод усиливался, появились соответствующие болезни и даже эпидемии, как следствие снижения уровня бытового благополучия... Была введена карточная система и появились очереди за хлебом»³². Елизавета Владимировна, жена В.С. Трубецкого, стараясь что-то заработать, занималась даже тем, что писала симпатическими чернилами на бумажках «пророчества» для базарного фокусника.

Некоторые из «бывших» поддерживали свое существование продажей через торгсин еще оставшихся золотых и серебряных вещей, а также благодаря поддержке родственников, оказавшихся за границей. Так, один из

сыновей В.М. Голицына, уехавший в Америку, посылал ежемесячно 10 долларов отцу. На эти деньги жил и он, и семья Трубецких.

Об отношении коренных жителей Посада к «бывшим» М. Пришвин в дневнике 1927 г. писал: «Во время революции на этой улице (Красюковке – Т.С.) собралась прежняя знать, князья, графы, и постепенно дошли здесь до полной нищеты, получив от населения общее имя "граф`ы". На этих граф`ов, как на бедного Макара, все шишки летят. Даже самый отчаянный противник Советов, которому днем и ночью видится, что зазвонят колокола Лавры, если его довести до бешенства, становится революционером в своем роде и бросит вам в лицо: "Граф`ы понаехали!"»³³.

Здесь очень важны слова: «...если его довести до бешенства...» Сергей Михайлович Голицын писал: «...прежде всего, на ум приходит ненависть, упорно и злобно насаждаемая сверху — от Сталина... и от его окружения. Та ненависть подхватывалась нашей подобострастной прессой, газеты пылали злобой к капиталистическому строю... Еще с большей ненавистью писали газеты о классовых врагах... Самые первые враги — это кулаки, то есть крестьяне, которые трудятся для себя, для семьи, а не для строительства социализма. Еще: враги — это специалисты — инженеры, ученые, служащие,... еще враги — попы... Еще непримиримые враги — это бывшие люди: помещики, чиновники, офицеры — царские и белые, фабриканты. У них отняты прежние привилегии, разные блага, и потому они ненавидят советскую власть, а среди бывших особо выделялись титулованные — князья, графы, бароны»³⁴.

Но не все в Сергиеве поддались действию этой пропаганды. Трогательны воспоминания В.Н. Арешкиной (Аверьяновой), учившейся в одном классе с Александрой Трубецкой. «Подруг у меня было много, — вспоминает она, — но особый след в душе оставила Шура Трубецкая... Знаете, к ней даже блатные мальчишки относились с нежным чувством. Была в ней какая-то кристальная чистота. И даже обормоты смотрели на нее как на что-то святое». Арешкина рассказала далее, как она, будучи членом учкома, добилась, чтобы А. Трубецкой купили ботинки, потому что ее обувь совсем развалилась. Впрочем, А. Трубецкая сказала, что гордость не позволяет ей принять эту милостыню³⁵.

Житель Сергиева Посада А.А. Кириллов, по рассказам матери, написал: «...несколько княжеских семей в те страшные годы искали убежища и временного приюта под крылом Лавры в Сергиевом Посаде и жили в домах на Бульварной и Огородной улице. И, тем не менее, эти люди, несмотря на ежеминутную угрозу ареста ..., продолжали заниматься искусством, литературой и общественной работой на пользу народа. Шаховская вместе с сестрой пешком ходила, например, в Дмитров, и своим трудом и занятиями они положили начало созданию краеведческого музея»³⁶. Нельзя не заметить, что в этом рассказе нет и тени неприязни к «графам».

В 1925 г. умер Александр Иванович Огнев, преподававший в педагогическом техникуме в Сергиеве. Студенты поехали хоронить его в Москву. А мать покойного Софья Ивановна поехала в валенках. Случилась оттепель. И студенты клали на снег дощечки, чтобы она могла ступить, а потом переносили дощечки вперед. Так она и дошла до могилы³⁷.

Да и сам Пришвин сделал в дневнике такую запись в 1928 г: «Все решительно, даже те, кто боролся в революцию против привилегированного сословия с яростью, называют Трубецкого "князем". Он высказывался, что принимает титул в смысле "барона" из "Дна" Максима Горького. Но это неправда, его называют по чувству симпатии к его необычайной простоте, выражая этим: "хотя у нас и нет князей, а вот тебя за твою простоту будем называть князем"»³⁸.

Другая запись Пришвина (1929 г.): «Скрипач, пианист и виолончелист Трубецкой, выступая в кино постоянно и часто на всяких вечерах, за пять лет завоевали сердца Сергиевской публики. Даже старушки приходили послушать трио и, роня слезы при нежных мелодиях, говорили о Трубецком: "Самому царю князь играл, а теперь кому". На простой дудочке князь Трубецкой с аккомпанементом пианиста и второй скрипки играл так очаровательно, что раз даже начальник милиции не выдержал, послал музыкантам записку, и Трубецкой объявил свой номер: "По требованию начальника милиции будем исполнять "Не искушай". Когда В.С. Трубецкого уволили из кино, то, как писал М. Пришвин, "скрипачу и пианисту предложили взять себе сотрудника из Москвы, но по сочувствию к

Трубецкому, по любви к своему искусству, они отказались играть с неизвестным московским музыкантом, и трио распалось»³⁹.

В общем можно сказать, что коренные посадцы относились к приезжим более или менее терпимо. В столице, например, положение «бывших» зачастую было много тяжелее. Многоквартирные дома в Москве были национализированы, и уплотнение квартир в 1920-е гг. шло полным ходом. Один из жителей Арбата вспоминает о новых жильцах таких коммуналок: «...темные мужики и бабы, замачивавшие белье в ваннах, коловшие дрова на инкрустированном паркете и люто нелюбившие тех, кому это не нравилось»⁴⁰. В Сергиеве же большинство домов были частными. Приезжие покупали дом или снимали часть дома. Так что антагонизма, характерного для коммуналок, видимо, не возникало.

Но находились те, кто доносил о случаях общения между «бывшими». Например, в 1924 г. поступил рапорт уполномоченному ОГПУ о том, что князь Голицын, князь Трубецкой, граф Олсуфьев, Шик и Истомин собрались на Троицын день «за скромным чаем до позднего времени, вели довольно тихий интимный разговор, подслушать который не представлялось возможным...»⁴¹.

В 1925 г. некоторые из «бывших» подверглись арестам. В их числе были Хвостовы — мать и дочь, В.С. Трубецкой, С.А. Сидоров, М.В. Шик, П.В. Истомин. Мансуровы, опасаясь ареста, успели весной этого года уехать из Сергиева. Угроза была нешуточной: «Трубецкого на допросе следователь спросил:

– Каких Вы считаете убеждений князь Мансуров?

Трубецкой ответил:

– Не знаю, но только Мансуров не князь.

– Ну, слушайте, — продолжал следователь, — нам прекрасно известно, что он князь. Зачем Вы скрываете?

– Я не скрываю, — ответил Трубецкой, — если не верите, посмотрите шестую часть дворянской книги, и вы убедитесь, что Мансуров не князь. Я — князь, Мещерский — князь, а Мансуров не князь»⁴².

После допросов Трубецкого в тот раз выпустили. Отвечал он очень осторожно. Может быть, учли и то, что у него тогда было уже шестеро детей.

За В.А. Комаровского заступились очень многие: художники В.А. Фаворский, И.С. Остроухов, П.И. Нерадовский, Д.Ф. Богословский, скульптор Н.А. Андреев, архитектор А.В. Щусев, заведующая Музейным отделом Н.И. Троцкая, а также крестьяне села Глазырино, где В.А. Комаровский в 1919–1922 гг. преподавал рисование в школе (подписали 28 крестьян). Но граф Комаровский на допросе не скрыл, что по политическим убеждениям является монархистом, и получил ссылку на Урал (в г. Ишим) на три года⁴³.

Хвостовы были подозрительны власти явной близостью к Церкви, помощью монахам закрытой Зосимовой пустыни да еще тем, что Анна Ивановна Хвостова незадолго до ареста съездила за границу – навестить сыновей и внуков. Хвостовых пытались обвинить в сокрытии церковных ценностей. Но поскольку А.И. Хвостова в период массового изъятия ценностей отсутствовала в стране, а при обыске в доме Хвостовых ничего не обнаружили, эти обвинения отпали. Однако ей и ее дочери Екатерине Сергеевне дали «минус шесть», то есть запрещение жить в Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве, Ростове, Одессе и соответствующих областях. Хвостовы вынуждены были покинуть свой дом в Сергиеве⁴⁴.

Священник Сергей Сидоров был активным противником обновленческой церкви, пользовался поддержкой Патриарха Тихона, приглашал его в Сергиев⁴⁵. Но ко времени приезда в город Патриарха в сентябре 1924 г. о. Сергей был арестован. Потом отпущен. После смерти Патриарха весной 1925 г. Местоблюстителем Патриаршего Престола стал митрополит Петр Полянский, известный своими твердыми убеждениями в церковных вопросах. В начале декабря 1925 г. его арестовали вместе с большой группой духовенства и близких к Церкви людей (42 человека). По делу митрополита Петра были арестованы также жители Сергиева о. Сергей Сидоров, о. Михаил Шик (священник и диакон Петропавловской церкви), Петр Борисович Мансуров, Петр Владимирович Истомина, князь Иван Сергеевич Мещерский, Федор Алексеевич Челищев. Обвиняемых по этому делу (делу «Даниловского синода») ОСО ОГПУ 21 мая 1926 г. приговорило к разным срокам концлагеря, высылки, лишению права проживания в крупных городах (47). О. Сергей Сидоров и П.Б. Мансуров получили «минус шесть»,

о. Михаил Шик – 3 года высылки в г. Турткуль в Средней Азии, (46)⁴⁶. П.В. Истомин – 3 года концлагеря (Соловки).

П.В. Истомин попал в Соловецком концлагере в «церковную роту», где было тогда 18 епископов. Этого числа епископов было достаточно, чтобы на Соловках прошел летом 1926 г. Собор епископов. На нем было принято обращение к митрополиту Сергию. Приехавшая на свидание с П.В. Истоминим жена выучила обращение наизусть и передала его адресату. Это обращение не возымело действия на митрополита Сергия, покорившегося советской власти, и российские священнослужители разделились на поминающих и не поминающих его. Но нельзя не отметить мужества Софьи Ивановны Истоминой, которой пришлось с большим риском для себя передать обращение Собора епископов, тем более, что ей не удалось поговорить с митрополитом с глазу на глаз, как она надеялась⁴⁷.

Аресты 1925 г. были для многих не первыми, и главное, не последними. В мае 1928 г. было организовано громкое дело «Анτισоветской группы черносотенных элементов в г. Сергиево Московской области». Предлогом стал выстрел в окно заведующего агитпропом укома ВКП (б) Костомарова. Одни жители полагали, что стреляла жена заведующего из ревности, другие, – что стрелявшего человека подкупили, чтобы было формальное основание арестовать «бывших». А травля их началась еще с мартовского номера журнала «Безбожник у станка». В нем были помещены «Списки личного состава Церковных Советов города Сергиева». Авторы материала указывали, что 90 % членов этих Советов лишены права голоса.

Заведующая краеведческим музеем Валентина Николаевна Мордвинова, попавшая в эти списки, попробовала возразить, что не имеет отношения ни к каким церковным советам. То же утверждал и заведующий Кустарным музеем Дмитрий Иванович Введенский, также включенный в списки. Но их слова вызвали только еще более ожесточенные нападки. 11 мая 1928 г. в «Рабочей газете» появилась статья «Троице-Сергиевский "музей"», без подписи. В ней были приведены такие обвинения: «Княгиня Шаховская получила место научной сотрудницы краеведческого музея, помещица Мордвинова, владевшая в свое время тысячами десятин земли, заведует этим

же музеем. Ее сестра заведует культпросветом в местном союзе работников просвещения. Граф Олсуфьев получил должность помощника старшего хранителя ист.-худ. музея барон фон-Дервиз служит в этом же музее помощником заведующего. Профессор бог[ословия] Введенский заведует Кустарным музеем» и т.д. Уже на следующий день в той же газете была помещена статья А. Лясса под рубрикой «Гнездо черносотенцев под Москвой». Название статьи: «Шаховские, Олсуфьевы, Трубецкие и др. ведут религиозную пропаганду». Заканчивалась статья словами: «Гнездо черносотенцев должно быть разрушено. Соответствующие органы должны обратить на Сергиево особое внимание».

17 мая 1928 г. в «Рабочей газете» была опубликована статья «Сергиевский музей – рассадник поповщины», в которой автор особенно обрушился на работу Ю.А. Олсуфьева и П.А. Флоренского «Амвросий, Троицкий резчик XV века»: «Надо быть действительно ловкими нахалами, чтобы под маркой "научной книги" на десятом году революции давать такую чепуху читателю советской страны, где даже каждый пионер знает, что легенда о существовании Христа не что иное, как поповское шарлатанство».

Аресты произошли в Сергиеве в основном ночью 22 и 23 мая 1928 г., а газеты продолжали травлю. Вот заголовки некоторых статей: «Весь монастырь под рабочий поселок!», «Водка, религия и хулиганство – наследие царского режима», «Будем более бдительными», «Пресекать в корне вредительство контр-революционных элементов», «Требуем сурового наказания обнаглевших черносотенцев» и т. п.⁴⁸.

80 человек было осуждено по этому делу, в том числе П.А. Флоренский, А.Д. Шаховская, а также заведующая Краеведческим музеем В.Н. Мордвинова, заведующий Кустарным музеем Д.И. Введенский, жена П.В. Истомина Софья Ивановна и их сын Сергей и еще многие носители дворянских фамилий, близкие к тем семьям, о которых идет речь в этой работе: Н.А. и В.Т. Верховцевы, К.А. Родзянко, Е.П. Васильчикова, А.С. Лопухин, Е.С. Олив, Н.И. Гончарова, З.Я. Фрейлебен и др.⁴⁹.

Арестованным была предъявлена статья 58 п.10 УК «Пропаганда или агитация, содержащая призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных

преступлений, а равно распространение, или изготовление, или хранение литературы того же содержания влекут за собою лишение свободы на срок не ниже шести месяцев, те же действия при массовых волнениях или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или в военной обстановке, или в местностях, объявленных на военном положении, влекут за собою меры социальной защиты, указанные в ст. 58 настоящего кодекса».

Дело 80 арестованных рассматривала тройка при ОСО ОГПУ. В обвинении было, в частности, сказано о них, что «... будучи по своему социальному происхождению "бывшими" людьми (княгини, князья, графы и т.п.) в условиях оживления антисоветских сил начали представлять для Соввласти некоторую угрозу... Почти все обвиняемые, благодаря своего происхождения, а также положения, занимаемого ими в дореволюционное время, так и сейчас, идеологически были родственны между собой и составляли целую группу черносотенного элемента, настроенного резко враждебно по отношению к Соввласти»⁵⁰.

За тех, кто получил по этому делу большие сроки, хлопотала Е.П. Пешкова, возглавлявшая комитет «Политического Красного креста». Большинство обвиняемых получило административную высылку. Так, Истомины получили «минус шесть» и уехали в Тверь.

Ю.А. Олсуфьев, несмотря на все нападки на него в газетах, не был тогда арестован. В «Рабочей газете» 9 июня 1928 г. заведующий музейным отделом Главнауки Вайнер писал: «Старший хранитель музея, бывший граф Олсуфьев будет снят с работы и уволен 16 июня в день своего возвращения из отпуска. К работе в московском историческом или каком-нибудь другом музее он привлечен не будет. Уже имеется принципиальное решение об увольнении и заместителя заведующего музеем, бывшего барона фон-Дервиза. Его снимут с работы в ближайшие дни»⁵¹.

По воспоминаниям А.В. Комаровской, Ю.А. Олсуфьев накануне майских арестов почувствовал опасность и уехал из Сергиева, бросив дом и имущество. Олсуфьевы жили потом по деревням и рабочим поселкам Подмосковья. В.Д. Дервиз, которому было уже 69 лет, жил после ухода из музея на пенсии.

Трубецкие в 1928 г. уцелели. Владимира Сергеевича арестовывали несколько раз, но затем выпускали. Очередной арест произошел летом 1933 г. по доносу одной стукачки. В тот арест Трубецкой был переведен в Иностраный отдел ОГПУ, но вскоре освобожден. Как позже выяснилось, это было неслучайно. ОГПУ готовило большое дело, названное впоследствии делом «Российской национальной партии» или «делом славистов».

Главой этой партии объявили Николая Сергеевича Трубецкого, известного слависта, основателя науки о языке – фонологии, жившего в эмиграции в Вене. Членами партии сделали ряд видных ученых, в том числе часто бывавшего в Сергиеве члена-корреспондента АН СССР Николая Николаевича Дурново и его сына Андрея, который был женихом старшей дочери В.С. Трубецкого. А его самого объявили связным между братом и жившими в СССР лингвистами. Дело в том, что в 1930 и 1931 гг. В.С. Трубецкой ездил за границу, чтобы подлечить старшего сына Григория, больного астмой. Виделся там с братом. Так был «создан» международный заговор. В обвинении В.С. Трубецкого фигурировала также финансовая помощь заграничных родственников, объявленная платой за контрреволюционную деятельность. Между тем помощь родственников валютой была совершенно необходима для выживания большой семьи, где родители были лишены и работы, и продуктовых карточек.

В.С. Трубецкой был выслан на пять лет в г. Андижан (Средняя Азия), его дочь Варвара на три года. Елизавета Владимировна Трубецкая с остальными детьми летом 1934 г. последовала в ссылку за главой семьи⁵².

Все «бывшие», отправленные в ссылку, простились с Сергиевым (Загорском) навсегда. Семьи некоторых из них продолжали еще какое-то время жить в этом городе. Потом уехали и они.

А сосланные почти все подверглись дальнейшим репрессиям. После нескольких арестов, после скитаний в 1937 г. были расстреляны В.А. Комаровский, С.А. Сидоров, М.В. Шик, В.С. Трубецкой, в 1938 г. — Ю.А. Олсуфьев и А.И. Хвостова⁵³. Ее дочь Е.С. Хвостову последний раз видели при аресте летом 1938 г., дальше ее следы затерялись. По всей вероятности, она погибла в том году в Вологодской тюрьме⁵⁴. С.В. Олсуфьеву арестовали

1 ноября 1941 г., когда немцы стояли под Москвой. Как писала Т.В. Розанова, ее «хотели обвинить в том, что она ждала немцев». Она погибла в 1943 г. в Свияжском лагере⁵⁵. В 1943 г. умерла в Бутырской тюрьме жена В.С. Трубецкого Елизавета Владимировна⁵⁶.

Когда в 1932 г. началась паспортизация в Московской области, Истомины вынуждены были покинуть Подмоскovie, куда они переехали из Твери по окончании срока ссылки, и перебрались в Орел. Но в 1934 г. их снова арестовали и выслали на три года в Казахстан. В 1936 г. П.В. Истомина арестовали в очередной раз. Он погиб, по-видимому, в 1937 г. (57)⁵⁷. О.И. Раевская была сослана в Сибирь в 1937 г. В ссылке у нее произошел инсульт, она стала инвалидом. Хотя ее сын Михаил и добился возвращения матери и сестры Елены из Сибири, но обе прожили уже недолго⁵⁸. Еще в марте 1929 г. умер С.П. Мансуров, болевший туберкулезом, который начался у него вследствие двух арестов в 1920 и 1924 гг., когда он перенес сыпной тиф без медицинской помощи⁵⁹.

Были репрессированы и многие дети «бывших». Особенно тяжелый удар пришелся по семье Трубецких. В 1937 г. вместе с отцом была расстреляна 20-летняя дочь Варвара Трубецкая. Григорий и Александра Трубецкие тогда же получили по 10 лет лагерей. Г.В. Трубецкой вернулся, полностью отбыв срок. А.В. Трубецкая погибла в лагере. В 1949 г. арестовали Андрея Владимировича Трубецкого. Приговоренный к 10-летнему сроку, он отбыл пять с половиной лет в Дзезказганском лагере и освобожден, когда с середины 1950-х гг. началась реабилитация политических заключенных⁶⁰.

В 1935 г. арестовали Сергея Петровича Раевского по так называемому «Кремлевскому делу». Его жена Елена Юрьевна, урожденная княжна Урусова, работала в библиотеке Кремля. Арестовали не только всех работавших в Кремле уборщиц, гардеробщиц, библиотекарей и пр., но и членов их семей. Е.Ю. Раевская впоследствии была расстреляна (1937 г.)⁶¹. С. П. Раевский получил пять лет лагеря на Воркуте. Его брат Михаил погиб в лагере в 1944 г.⁶².

Зимой 1933/1934 гг. был арестован старший сын графа В.А. Комаровского Алексей, получил три года лагеря.

Почти все уцелевшие дети «бывших», несмотря на большие препятствия, получили образование, все стали полезными для общества людьми. Многие из них защищали Родину во время Великой Отечественной войны. Ушли на фронт братья Трубецкие: Андрей, Сергей и Владимир. Андрей Владимирович в начале войны был тяжело ранен, попал в плен. Оказался в госпитале для военнопленных в Вильнюсе. Один из родственников сумел добиться его освобождения как прямого потомка Великого Князя Литовского Гедимина, жившего в XIV в. Оказавшись на Западе, А. В. Трубецкой встретился с многочисленными родственниками, но не остался за границей – перебрался с товарищами в лес к польским партизанам, потом перешел в отряд советских партизан и, наконец, соединился с регулярными частями Советской Армии. Продолжал воевать. Демобилизован был в 1946 г.⁶³. На вопрос: «Почему вернулся из-за границы?» – ответил: «Из-за Родины и из-за матери».

Владимир Владимирович Трубецкой потерял на фронте ногу. Инвалидом вернулся и Сергей Владимирович.

Сын священника Сергия Сидорова Борис всю войну воевал в пехоте, был тяжело ранен в лицо. А Алексей Владимирович Комаровский все четыре года войны находился в саперных войсках.

Кем же стали уцелевшие – дети так называемых «бывших»? А.В. Трубецкой, освободившись из лагеря, восстановился в МГУ в возрасте 36 лет. Закончил биологический факультет, работал во Всесоюзном Кардиологическом центре АН СССР, стал профессором, доктором биологических наук. Написал автобиографическую книгу «Пути неисповедимы». Занимался историей своего рода. В.В. Трубецкой закончил МГУ, работал в Институте Востоковедения АН СССР, защитил кандидатскую диссертацию. С.В. Трубецкой, имея абсолютный слух, работал настройщиком роялей. Их младший брат Георгий, оставшийся круглым сиротой в 8 лет, работал в Институте кролиководства и пушного звероводства, он кандидат биологических наук. У их сестры Ирины жизнь сложилась так, что она не получила высшего образования. Последние годы она возглавляла Департамент благотворительности Российского Дворянского собрания.

Благодаря счастливой случайности уцелели все дети М.В. Шика. Во время войны четверо из них находились с матерью в Малоярославце Калужской области. Город был занят немцами. Их вызвали с матерью в комендатуру – немцы считали их евреями по крови, хотя они были сыновьями православного священника. Но вызов пришел перед Рождественскими праздниками, и комендатура оказалась закрыта. А затем началось наступление наших войск, и немцам стало не до детей. Мать их умерла от туберкулеза в 1942 г.⁶⁴. Оставшись сиротами, все они, тем не менее, получили высшее образование. Сергей – геолог, кандидат наук, Мария – ботаник, кандидат наук, Елизавета – геолог, Дмитрий – известный скульптор, Николай – астроном. (Двое младших носят фамилию Шаховских, так как их усыновила тетка, А.Д. Шаховская).

Очень трудным было детство детей священника Сергия Сидорова. Их было пятеро. Пятый родился через три месяца после ареста отца. Вот рассказ Веры Сергеевны Бобринской, урожденной Сидоровой. «Младший – Сергей был таким нервным ребенком, что в ясли не брали. Стоило спустить с рук – кричал. Так и вырос на руках в буквальном смысле. Я держала его на руках и языком перелистывала страницы учебника. (Была первой ученицей в классе – Т.С.) Приходил из школы брат Борис – нарочно учились в разные смены – брал ребенка на руки он. Мама работала медсестрой на трех работах, чтобы прокормить детей. Во время войны многие думали, что она из блокадного Ленинграда. Спала, скорчившись на маленьком сундуке. "Мама, зачем ты спишь так? – спрашивала я. – Постели на полу". – Я сплю так, чтобы не проспать" – отвечала она. Спала она часа три в сутки, почти не ела, только пила горячую воду»⁶⁵. И все же Татьяна Петровна Сидорова вырастила детей. Старший – Борис – студентом Лесного института ушел на фронт и после войны остался в армии. Закончил заочно Лесной институт, работает лесничим. Вера, Алексей и Сергей стали горными инженерами. Вера Сергеевна, в замужестве Бобринская, писала стихи⁶⁶. А Татьяна Сергеевна получила гуманитарное образование и работала редактором.

Сергей Петрович Раевский в лагере освоил профессию геолога. Работал 40 лет геологом и гидрогеологом в экспедициях. Будучи на пенсии, написал большой труд «Пять веков Раевских». (М., 2005).

Алексей Владимирович Комаровский после лагеря и фронта стал инженером. Антонина Владимировна Комаровская была арестована в 1942 г. и выслана из Москвы как член семьи репрессированного⁶⁷. Более десяти лет она пробыла в ссылке в Кировской области, закончила там педагогический институт. Впоследствии была библиотечным работником. Работала над семейным архивом, писала воспоминания. Софья Владимировна Комаровская, похоронив в Дмитрове мать, пришла пешком в Загорск, когда только началось отступление немцев. Закончила курсы медсестер. Работала в детских учреждениях Загорского района. Младший сын В.А. Комаровского Федор во время войны работал на Загорском оптико-механическом заводе, затем – инженером в Прибалтике.

Сын Павла Яковлевича Павлинова Петр стал художником. Художниками стали и дети В.А. Фаворского. Но Никита и Иван погибли в Великую Отечественную войну. Мария Владимировна Фаворская-Шаховская – художник-керамист.

Мы видим, что, несмотря на неблагоприятные условия жизни «бывших», порой крайнюю бедность, несмотря на сложности с получением образования – были годы, когда детям «лишенцев» не позволяли учиться дальше седьмого класса, не принимали в высшие учебные заведения, – несмотря на репрессии, сиротство, почти все дети лиц, входивших в сергиевскую диаспору интеллигенции, стали высокообразованными людьми. Преобладающими у них были профессии, находящиеся как бы на стыке точных и гуманитарных наук: геолог, гидрогеолог, горный инженер, биолог.

Дети расстрелянных отцов защищали Родину – им было свойственно понятие чести, не позволявшее уклониться от выполнения долга.

Несмотря на все усилия режима, не удалось полностью разорвать связи между детьми «бывших», живших в Сергиеве. Это проявилось, в частности, и в том, что на такие выставки в Сергиево-Посадском музее-заповеднике как «Князя Трубецкие в нашем крае», «Акварели В.Д. Державина», «Образы минувшего (Графика М.М. Осоргиной)», «Голицыны в Глинкове» приезжали многие потомки членов диаспоры. Это нельзя объяснить только родством, часто весьма далеким, или памятью детства. Прочность таких горизонтальных связей обусловлена, видимо, сходным пониманием

нравственных ценностей, возможно, тем самым «геном религиозности», о котором писал Б. Раушенбах.

Необходимо отметить, что дети «бывших» чтут память своих предков. И ощущают свою собственную жизнь частицей истории нашей страны. Мемуары написаны А.В. Трубецким, А.В. Комаровской, С.П. Раевским, Е.М. Шик, М.В. Фаворской-Дервиз, В.С. Бобринской (Сидоровой). Последняя посвятила родителям и стихи. А.В. Трубецкой, Е.М. Шик, В.С. Бобринская также способствовали публикации трудов своих предков. А.В. Комаровская передала ряд сохранившихся работ отца, в основном эскизы церковных росписей, в Музей Свято-Даниловского монастыря, а архив своей тетки М.Ф. Мансуровой – в Свято-Тихоновский богословский институт. Самое активное участие в установке креста на бывшем Бутовском полигоне, где расстреляны М.В. Шик, С.А. Сидоров, В.А. Комаровский и еще десятки тысяч людей, принимал Дмитрий Михайлович Шаховской. Он же является архитектором и участником строительства в Бутове деревянной церкви во имя новомучеников и исповедников российских.

ВЫВОДЫ

1 . В послереволюционные годы (1917–1923) в Сергиевом Посаде (Сергиеве) поселились люди, которых называли «бывшими», – титулованные и нетитулованные дворяне, и близкие им по культуре лица из других сословий, образовав сообщество, которое можно назвать социальной диаспорой интеллигенции или системой открытого типа с корпускулярными связями.

2. Характерными чертами приезжих были такие:

- высокий уровень образования и культуры,
- глубокая религиозность и, как следствие, преобладание духовных интересов над материальными,
- склонность к творческой работе: занятиям наукой, литературой, живописью,
- высокоразвитое чувство долга,
- прочность родственных и дружеских связей,
- большая работоспособность,
- чувство ответственности за воспитание детей.

3. Основными занятиями приехавших «бывших» были следующие:

- музейная работа,
- педагогическая деятельность,
- занятия литературой и искусством,
- воспитание детей,
- различные виды деятельности для заработка.

4. Многие жители Сергиева относились к «бывшим» с сочувствием, хотя некоторые, видимо, срывали на них свое недовольство условиями жизни.

5. Большая часть «бывших» покинула Сергиев (Загорск) не по своей воле, а была арестована или уехала, опасаясь ареста в 1925, 1928, 1934 гг. Как правило, эти люди получали по приговору определенное место административной высылки или «минус», то есть запрещение жить в ряде городов. Позднее многие из них были расстреляны или погибли в тюрьмах и лагерях.

6. Дети «бывших» унаследовали интеллектуальные способности и волевой потенциал предков, сохранили их нравственные принципы и культуру, стали образованными, полезными для общества людьми. В годы Великой Отечественной войны защищали Родину. Многие из них продолжают поддерживать связи между собой.

Люди, названные при советской власти «бывшими», составляли энергичное и одаренное меньшинство народа. Их судьбы являются ярким примером того, что люди от природы не равны. Эти люди потеряли после революции титулы, посты, богатство, но не озлобились. Они стремились трудом принести пользу обществу. А те, кто захватил власть, инстинктивно чувствовали их отделенность, их высокий интеллектуальный и нравственный уровень и потому смотрели на них с враждебностью и подозрением. «Бывшие» стали жертвами террора именно потому, что были лучшими.

¹ Олсуфьев Ю.А. Буецкий дом, каким мы оставили его 5 марта 1917 года // Наше наследие. 1994. № 31. С.122.

- ² *Огнев С.И.* И.Ф. Огнев. Страницы из жизни Московского университета и московской интеллигенции конца XIX– начала XX века. М., 1948. С. 131. (Тираж книги был уничтожен сразу после печати; уцелело несколько экземпляров).
- ³ Магнитофонная запись рассказа *О.П. Трубачевой* от 20 декабря 1997 г. Запись Смирновой Т.В.
- ⁴ *Гумилев Л.* Этнос и антиэтнос // Звезда. 1990. № 1. С.141.
- ⁵ *Пришвин М.М.* Дневники. Запись 23 марта 1927 г. // Архив Дома-музея Пришвина в Дунине.
- ⁶ *Трубецкой А. В.* Пути неисповедимы. (Отрывок) // Братина. Сергиев Посад, 2000. С. 587.
- ⁷ Цит. по: *Смирнова Т. В.* Дом на Вальной и его обитатели. 1920-е годы в Сергиевом Посаде // Московский журнал. 1997. № 12. С. 35.
- ⁸ *Мансурова М.Ф.* Воспоминания о муже С. П. Мансурове: Машинопись, подготовленная племянницей автора А. В. Комаровской // Архив А. В. Комаровской. Зосимова пустынь – уединенный монастырь со строгим уставом, в котором жил знаменитый старец Алексей (Соловьев). Расположена в 20 км. от Троице-Сергиевой лавры, в трех с половиной км. от железнодорожной станции Арсаки. (*Четверухины И. Н. и Е. Л.* Иеросхимонах Алексей, старец Смоленской Зосимовой пустыни. М., 1995).
- ⁹ *Зеленская Г.М.* Художник Владимир Комаровский // Даниловский благовестник. 1992. № 4. С. 80.
- ¹⁰ *Мирович В. Г.* Воспоминания об отце Михаиле Шике: Машинопись // Архив Е. М. Шик.
- ¹¹ Записки священника Сергея Сидорова, с приложением его жизнеописания, составленного дочерью В. С. Бобринской. М., 1999.
- ¹² Академик Б. Раушенбах считал, что существует «ген религиозности». Известно, что головной мозг человека ассиметричен: левое полушарие обеспечивает главным образом рациональное мышление, а правое – образное восприятие мира. Среди людей с развитым правым полушарием больше тех, кто способен к поэзии, живописи, музыке, а также к религиозной жизни. Таких 10–15 процентов населения. Они не мыслят жизни без ежедневного контакта с церковью. А 85–90 процентов, если и ходят в церковь, то следуя скорее традиции, чем внутреннему чувству. (*Раушенбах Б.* Религия и нравственность // Знамя. 1997. № 1. С. 204–216).
- ¹³ *Шик Е. М.* Предисловие к рассказам о детях Н.Д. Шаховской-Шик // Альфа и омега. 1997. № 3 (14). С. 366; Перченков Ф. Ф. и др. Примечания к письмам о братстве Д. И. Шаховского // Звенья (альманах) М., 1992. Вып. 2. С. 301–302.
- ¹⁴ *Поливанов К. М., Васильев А. В.* Малахеева Варвара Григорьевна // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1994. Т.3. С. 491–492.
- ¹⁵ *Коровай И.* О гравюре В.А. Фаворского "Семья за самоваром" // Иллюстрация (альманах), М., 1988. С. 340.
- ¹⁶ *Раевский С.П.* Сергиевский Посад и его обитатели (Воспоминания): Машинопись // Архив С.П. Раевского.
- ¹⁷ *Зеленская Г. М.* Художник Владимир Комаровский... С.79.
- ¹⁸ *Вздорнов Г. И.* Из недавнего прошлого одной усадьбы // Наше наследие. 1994. № 29–30. С. 93.
- ¹⁹ *Сергеев В., Комаровская А. В.* В. А. Комаровский – иконописец XX столетия //

Златоуст. 1993. № 2. С. 234–251.

²⁰ *Свирин А. Н.* Воспоминания о деятельности В. Д. Дервиза в Загорском историко-художественном музее: Машинопись // Архив Г. Г. Дервиза.

²¹ *Мансуров С. П.* Очерки по истории Церкви. М., 1994.

²² *Шаховская-Шик Н.Д.* Мои встречи с Мансуровым: Машинопись // Архив А.В. Комаровской.

²³ *Самарины. Мансуровы:* Воспоминания родных. М., 2001. С.65–66.

²⁴ *Шаховская-Шик.* Мои встречи с Мансуровым ...

²⁵ Рисунок находится в собственности Г.Г. Дервиза.

²⁶ *Пришвин М.М.* Дневник писателя. 1930 год. // Октябрь. 1989. №7. С. 157.

²⁷ Это подтверждается и высказыванием князя Сергея Евгеньевича Трубецкого, работавшего на санитарном поезде во время Первой мировой войны. Он писал: «"Общинские сестры" по своему типу принадлежали к мещанскому кругу. Во время безделья они, главным образом, жаловались на "неподходящие условия" жизни и на стол, так как они "привыкли к лучшему качеству харчей и большему разнообразию". Они считали свои долгом показать, что они "не простые" и привыкли к другим условиям жизни... Со стороны людей более высокого культурного уровня таких жалоб, конечно, не поступало». (*Трубецкой С.Е.* Минувшее. М., 1997. С. 96.)

²⁸ *Шаховская А.Д.* Семья Трубецких. Воспоминания: Рукопись // Архив Е.М. Шик.

²⁹ *Раевский С.П.* Семейная хроника. Машинопись // Архив С.П. Раевского.

³⁰ *Пришвин М. М.* Дневники. Запись 4 апреля 1929 г. // Архив Дома-музея Пришвина в Дунине.

³¹ Письмо А.С. Голицыной в Париж дочери Лине Осоргиной цит. по: *Трубецкой А.В.* Пути неисповедимы (Отрывок)... С. 589–590.

³² Там же. С. 594. Карточки на продукты выдавали хозяевам породистых собак, так как после дрессировки собак брали на охрану границы. Проблема охраны границ появилась вследствие коллективизации, когда голодные крестьяне бежали за рубеж, спасаясь от колхозов. (*Голицын Сергей.* Записки уцелевшего. М., 1990. С. 435).

³³ *Пришвин М. М.* Дневники. Запись 30 апреля 1926 г. // Архив Дома-музея Пришвина в Дунине.

³⁴ *Голицын Сергей.* Записки уцелевшего. М., 1990. С. 351.

³⁵ *Арешкина (Аверьянова) В. Н.* Воспоминания о Сергиевом Посаде (1920-е годы) // Братина. Сергиев Посад, 2000. С. 30–31.

³⁶ Кириллов А. А. Краткие сведения о моих ближайших родственниках, изустно полученных в разное время от моей мамы: Машинопись // Соб. А. А. Кириллова. Сестры Шаховские начинали работу в Дмитровском музее. Переехав в г. Сергиев, они не сразу прекратили связь с Дмитровом, участвовали в работе Дмитровского музея.

³⁷ Рассказ *О. П. Трубачевой* (Флоренской), записанный Т. В. Смирновой в январе 1998 г.

³⁸ *Пришвин М.М.* Дневники. Запись 2 декабря 1928 // Архив Дома-музея М.М.Пришвина в Дунине.

³⁹ Там же. Запись 4 апреля 1929 г. // Архив Дома-музея М. М. Пришвина в Дунине.

⁴⁰ *Кнабе Г.С.* Финал: арбатская эпопея // Русская интеллигенция. История и судьба. М., 2000. С. 346.

- ⁴¹ Трубецкой А. В. Пути неисповедимы. Ч.1.Рукопись // Архив А.В. Трубецкого.
- ⁴² Раевский С. П. Семейная хроника ...
- ⁴³ Дело № 31986 по обвинению Комаровского В. А. 1925 г.: Машинописная копия // Архив А.В. Комаровской.
- ⁴⁴ Раевский С. П. Семья Хвостовых // Московский журнал. 1998. № 4. С. 46.
- ⁴⁵ Обновленческая церковная группа, позднее называвшаяся «Живая церковь», была организована ОГПУ в 1923 г. Первый «Всероссийский съезд группы “Живая церковь” ”вбил клин в ту церковную трещину, которая образовалась в самом начале, и всю свою работу провел в духе борьбы с тихоновщиной...» (Савельев С. Бог и комиссары (к истории комиссии по отделению церкви от государства при ЦК ВКП (б) – антирелигиозной комиссии) // Религия и демократия. М., 1993. С. 193–195).
- ⁴⁶ Просим освободить из тюремного заключения / Сост. В. Гончаров, В. Нехотин. М., 1998. С. 169–171.
- ⁴⁷ Трубецкая К. П. Воспоминания о Петре Владимировиче Истомине // Хоругвь. М., 1993. Вып.1. С. 72.
- ⁴⁸ Обзор прессы 1928 г.: Половинкин С. М., Флоренский П. В. Второй арест // П. А. Флоренский: арест и гибель. Уфа, 1997. С. 9–67.
- ⁴⁹ Там же. С. 42–45.
- ⁵⁰ Там же. С. 50–51.
- ⁵¹ Существует мнение, что сталинские репрессии были направлены, прежде всего, на связи между людьми. Так, Е. Стариков считает, что режим стремился размыть классы, превратить людей в маргиналов. Сколько-нибудь солидарная группа подлежала неминуемому разгрому, как потенциально опасная. В результате происходил «некроз социальной ткани исчезало гражданское общество. Следствие – сначала застой, а затем деградация». При этом блокировались не только связи между людьми, но и возможности, предпосылки развития таких связей. (Стариков Е. Маргиналы. // Знамя. 1989. № 10. С. 131–162). Так что репрессии по отношению к собравшимся в Сергиеве «бывших» были неизбежны.
- ⁵² Трубецкой А. В. Пути неисповедимы. Ч.1. Рукопись // Архив А.В. Трубецкого; Ашнин Ф.Д., Алпатов В.Н. Лингвисты и власть: 30–50-е годы (по материалам «дела славистов») // Тезисы докладов конференции «Из истории отечественной филологической науки», М., 1994. С. 6.
- ⁵³ Письмо Вологодского управления ФСБ о расстреле А. И. Хвостовой // Архив С.П. Раевского.
- ⁵⁴ Схимонахиня Леонтия // Московский журнал. № 3. 1994. С. 45.
- ⁵⁵ Розанова Т. В. "Будьте светлы духом" (Воспоминания о В. В. Розанове). М., 1999. С. 144; Дело 3410 Олсуфьевой С.В. // Архив ФСБ.
- ⁵⁶ Трубецкой А. В. Пути неисповедимы. (Воспоминания 1939–1955 гг.) М., 1997. С. 192.
- ⁵⁷ Трубецкая К. П. Воспоминания о Петре Владимировиче Истомине... С.79.
- ⁵⁸ Раевский С.П. Семейная хроника...
- ⁵⁹ Самарины. Мансуровы: Воспоминания родных. М. 2001. С. 90–91.
- ⁶⁰ Трубецкой А. В. Пути неисповедимы. (Воспоминания 1939–1955 гг.)...

⁶¹ Компьютерная база данных «Жертвы политических репрессий, расстрелянные и захороненные в Москве и Московской области в период с 1918 по 1953 год», составленная Музеем и общественным центром "Мир, прогресс, права человека" им. Андрея Сахарова.

⁶² *Раевский С.П.* Семейная хроника...; *Он же.* Адмирал Унковский и его потомки // Московский журнал. 2001. №3. С. 31.

⁶³ *Трубецкой А. В.* Пути неисповедимы. (Воспоминания 1939–1955 гг.) ...

⁶⁴ *Шик Е. М.* Предисловие к рассказам о детях Н.Д. Шаховской-Шик... С.367.

⁶⁵ Рассказ *Бобринской В С.* записан Т. В. Смирновой в 1997 г.

⁶⁶ *Бобринская В.* Стихи графини Веры. М., 1995.

⁶⁷ Архивная справка Комаровской А. В. об освобождении из ссылки //Архив А.В. Комаровской.

Доклад опубликован: Труды ГИМ. Забелинские научные чтения –2002. М., 2003. Вып. 136. С. 422–444.